

Светлана Борисовна Белоглазова¹

Beloglazov1@yandex.ru

УЧИТЕЛЬ И ВОЙНА: СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ГОДЫ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

В статье исследован малоизученный в региональной историографии аспект истории Гражданской войны на Дальнем Востоке — материальное положение специалистов, работавших в системе образования на территории Дальневосточной республики в период военного коммунизма с апреля 1920 по июль 1921 г. Решён комплекс задач, включающий оценку материального положения работников народного просвещения, дан анализ политики государства в данной сфере. В научный оборот введены новые архивные материалы по вопросам материального обеспечения школьных работников и работы системы в целом. Отмечены факторы, влиявшие на уровень жизни педагогов. Изучение экономических аспектов истории образования даёт основание сделать вывод, что на этапе военного коммунизма государство оказалось малоэффективным в реализации взятых на себя обязательств по материальному обеспечению системы народного образования, что в рассматриваемый период проблема его финансирования в политике правительства Дальневосточной республики не являлась приоритетным направлением. Экономя на финансировании работы Министерства народного просвещения, государство сознательно жертвовало системой образования, включая и благосостояние учителей, что привело к уменьшению кадрового потенциала, численному сокращению сети учебных заведений и росту протестных настроений в среде дальневосточного учительства.

Ключевые слова: Дальневосточная республика (ДВР), государственная политика, образование, учителя, материальное положение.

Svetlana B. Beloglazova¹

Beloglazov1@yandex.ru

TEACHER AND THE WAR: THE EDUCATION SYSTEM OF THE FAR EASTERN REPUBLIC DURING THE YEARS OF WAR COMMUNISM

The article examines a little-studied aspect of the history of the Civil War in the Far East in regional historiography — the financial position

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

of specialists who worked in the education system during the period of war communism on the territory of the Far Eastern Republic (FER) from April 1920 to July 1921. A set of tasks has been solved, including an assessment of the financial position of employees of the Ministry of Public Education, an analysis of state policy in this sphere. The new archival materials identified by the author, presented by circular letters of the Ministry of Public Education of the Republic, correspondence with the government structures of the FER regional departments of public education, professional unions of education workers and individuals on the issues of material support of school workers and the work of the education system as a whole, have been introduced into scientific circulation. The factors that influenced the standard of living of teachers are noted. The study of the economic aspects of the history of education has shown that at the stage of war communism, the state proved ineffective in the matter of its obligations to provide material support for the public education system. The revealed materials clearly show that during the period under review, the problems of financing the education system in the policy of the FER were not a priority. By saving on financing the work of the Ministry of Public Education, the state deliberately sacrificed the education system, including the welfare of teachers, which led to the depletion of the personnel potential of the public education system, and the numerical reduction of the network of educational institutions and the growth of protest moods among Far Eastern teachers.

Keywords: Far Eastern Republic (FER), state policy, education, teachers, financial situation.

История Гражданской войны на Дальнем Востоке России получила широкое освещение в отечественной и зарубежной историографии, однако её гуманитарные аспекты остаются слабо изученными. В полной мере данное положение относится к истории образования в годы проведения политики военного коммунизма в Дальневосточной республике (ДВР). В региональной историографии начало изучению темы было положено работами В.В. Сониной. Рассматривая социально-экономические аспекты деятельности правительства республики, автор отметил масштабное распространение практики принудительной трудовой повинности, включая систему образования [7, с. 339]. Более подробно экономическая политика правительства ДВР в период военного коммунизма (апрель 1920 г. — июль 1921 г.) исследована Л.Н. Долговым, который вычленил в ней три этапа², проанализировав в рамках каждого

² Апрель — октябрь 1920 г. (относительно самостоятельный период деятельности областных правительств); ноябрь 1920 г. — апрель 1921 г. (после объединения областей вокруг правительства ДВР, когда экономическая политика

из них характерные для этого режима чрезвычайные меры в народном хозяйстве, кредитно-финансовой и социальной сферах [4, с. 450—458]. Предложенная им периодизация была использована при подготовке данной статьи.

Специалисты по истории образования отмечают, что недостаток материальных и финансовых ресурсов был серьёзным сдерживающим фактором в процессе модернизации школ Дальнего Востока. Хроническое недофинансирование системы образования в ДВР акцентировано в монографии С.С. Пай [6, с. 55]. В публикациях С.Б. Белоглазовой дана оценка практики «остаточного» финансирования в период реформы Единой трудовой школы для работы Министерства народного просвещения (МНП) ДВР и для функционирования регионального образовательного комплекса в целом [2; 3].

Вместе с тем изучение экономических аспектов истории образования в рассматриваемый период ещё далеко от завершения. Поставленные в статье задачи включают оценку материального положения работников ведомства МНП, анализ политики государства в данной сфере, введение в научный оборот новых архивных материалов, представленных соответствующими нормативными актами МНП, циркулярными письмами и текущей перепиской Министерства с областными отделами народного образования и другими ведомствами по вопросам материального обеспечения школьных работников.

6 апреля 1920 г. проходивший в Верхнеудинске Учредительный съезд народов Прибайкалья принял решение об образовании дальневосточного «буферного» государства — «Декларацию об образовании Дальневосточной республики» — и создании Временного правительства. В экономической политике коммунисты ДВР ориентировались на советское содержание, а в своих действиях руководствовались декретом Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР «О порядке всеобщей трудовой повинности» (29.01.1920). Летом 1920 г. на освобождённой от войск белых территории республики развернулась работа по сбору развёрстки с сельского населения, в городах — по мобилизации на общественно-полезные работы. В августе в соответствии с развитием начатого курса в Прибайкалье вступил в действие Закон о всеобщей трудовой повинности, а после объединения всех областей под эгидой правительства ДВР в декабре 1920 г. был создан Комитет по проведению трудовой повинности

формировалась в соответствии с директивами ЦК РКП(б) и точкой отсчёта продолжал выступать военный коммунизм); с апреля по июль 1921 г. — постепенный переход к НЭПу, сопровождавшийся отказом от чрезвычайных мер военного коммунизма и отменой всеобщей трудовой повинности [4, с. 450].

(Далькомтруд), распространивший обязательную трудовую повинность на всю территорию республики [4, с. 455].

Начало реализации декрета СНК в образовательных учреждениях ДВР положило объявление Временного правительства в июне 1920 г. о мобилизации учителей на весь летний период для ведения культурно-просветительной работы среди красноармейцев и в сельской местности [5, с. 40—41]. Трудовая повинность касалась специалистов в возрасте от 18 до 40 лет, имевших образование «не ниже среднего» и не состоящих на государственной службе.

В условиях недостатка квалифицированных педагогов в ДВР и почти полного отсутствия хорошо подготовленных работников просвещения в духе Единой трудовой школы МНП разработало «Положение о милитаризации педагогических учебных заведений в ДВР», в соответствии с которым весь учительский, профессорско-преподавательский и студенческий состав учебных заведений, подведомственных министерству, а также и его служащие, являлись «милитаризованными» и обязаны были отбывать учебно-трудовую повинность по месту работы. Педагогические советы всех учебных заведений руководствовались данным положением при разработке своих «Программ Учебно-Трудовой Жизни» на 1920—1921 учебный год, включавших именные списки преподавателей и студентов с указанием их места учёбы и службы. Состоящими на основной службе считались те преподаватели, которые имели не менее 15 лекций и уроков в неделю по основному месту работы [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 42. Л. 1].

Студенты, откомандированные для отбывания учебно-трудовой повинности с военной или гражданской службы, в трёхдневный срок освобождались от служебных обязанностей, включались в списки откомандированных и направлялись к местам отбывания учебной повинности³. Обязательному откомандированию и мобилизации подлежали все студенты, независимо от их пола и возраста, а также те, «которые раньше по разным причинам были изъяты из педагогических учебных заведений на территории ДВР и Советской России, не окончившие курса, и в настоящее время не находящиеся в учебном заведении» [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 42. Л. 1, 3 об.]. Не явившиеся по месту учёбы откомандированные студенты подлежали уголовному преследованию. Впрочем, «в особо уважительных случаях» и с согласия педсоветов они могли перевестись в другое учебное заведение, если там имелись

³ Согласно Кодексу законов о труде 1918 г. (раздел 1 «О трудовой повинности»; п. 4), учащиеся всех учебных заведений выполняли трудовую повинность.

соответствующие учебные курсы и факультеты. Наблюдали за перемещениями местные исполкомы и ревкомы.

Законодательно закреплённую всеобщую трудовую повинность, соответствующую принципу «Кто не работает — тот не ест», дополняла система нормированного распределения продуктов питания (пайки). Учителей общеобразовательных школ, студентов и преподавателей педагогических учебных заведений включали в списки лиц, находившихся на гособеспечении и получавших «обеспечение натурой». Распределением пайков занимались специально учреждённые для этой цели комиссии по социальному обеспечению. Они же следили за качеством и интенсивностью прохождения учебного курса. В случае невыполнения норм интенсивной учебно-трудовой повинности учащими или учащимися, их откомандировывали (по сути, насильственно перенаправляли) либо в распоряжение Военно-политического управления армии (главным образом мужчин), либо уездных отделов народного образования (в основном женщин) в целях использования для культурно-просветительной работы [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 42. Л. 3]. Заметим, что подобного рода репрессивные практики применялись и к абитуриентам, поступавшим в педагогические учебные заведения. Отбор кандидатов предусматривал льготный месячный срок интенсивного прохождения учебного плана, по истечении которого следовал коллоквиум для определения готовности будущих студентов «по своему развитию к требуемой интенсивности прохождения учебного плана» [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 42. Л. 3]. В случае отрицательного результата комиссия по соцобеспечению возвращала претендентов в армию или на прежнее место работы.

Студенты, пользовавшиеся социальным обеспечением, по окончании учебного заведения должны были отработать в учреждениях народного образования по одному году за каждый год пользования социальным пакетом [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 42. Л. 2]. Таким образом, наряду с гарантией материальной поддержки учащихся со стороны государства, которая обеспечивала им доступ к получению образования, существовал элемент принуждения в виде обязательного целевого распределения, направленного на решение государственной задачи комплектования кадрового потенциала школ.

Конкретные данные о размерах пайков для разных категорий населения ДВР на первом этапе военного коммунизма крайне скудны. Известно, что в июне 1920 г. пайковый норматив муки для рабочих в Верхнеудинске составлял 30 фунтов и 20 фунтов на члена семьи (12 и 8 кг в месяц); мясные и рыбные продукты не отоваривались, мануфактура отпускалась только в крайних случаях по особым

распоряжениям [4, с. 451]. Учитывая тот факт, что система распределения носила тогда ярко выраженный классовый характер, а также скромный ассортимент и размер соцпайка, выделяемый приоритетному для большевиков общественному классу, справедливо предположить, что для работников системы образования, в массе своей непролетарского происхождения, он был ещё меньше.

В декабре 1920 г. областной отдел народного образования Восточного Забайкалья на основании ходатайства председателя Школьного совета Сретенской учительской семинарии обратился в МНП с просьбой поддержать проживавших в общежитии семинарии иногородних студентов, выплатив им стипендии, которые они не получали с весны 1920 г. Всего было 125 стипендиатов, размер стипендии на 1 чел. составлял 50 руб. валютой [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 34]. Переписка МНП с Минпродснабом о замене денежного довольствия для голодающих воспитанников семинарии продуктами питания в счёт кредита, отпущенного министерству на содержание стипендиатов учительских семинарий, осталась безрезультатной.

Положение усугублялось тем, что в ноябре — декабре 1920 г. правительство не финансировало Министерство народного просвещения, и работавшие в системе образования специалисты заработную плату не получили. Попытки МНП договориться с Минпродснабом об «отпуске как продуктов питания, так, по возможности, и предметов обмундирования всем школьным работникам в счёт причитающегося им жалования» [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 24, 35] по-прежнему оставались безуспешными. На регулярно поступающие от местных отделов образования и отдельных учебных заведений запросы об отпуске необходимых материалов, продовольствия и одежды начальник Управления продовольствия Калачицкий отвечал отказом.

В январе 1921 г. МНП тоже не получило финансирования, к тому же начался секвестр уже утверждённого бюджета образования. В связи с чем 18 января 1921 г. Владивостокское отделение Всероссийского учительского союза направило в Министерство народного просвещения специальное воззвание, в котором информировало о сокращении сметного финансирования Владивостокского учительского института более чем в 10 раз [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 31. Л. 44]. К этому времени в институте было 210 стипендиатов (160 чел. на основных потоках и 50 слушателей младшего подготовительного класса) [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 31. Л. 35]. Намеченное правительством среди учебного года сокращение стипендий было чревато угрозой оттока студентов с основных факультетов

и сокращением более половины слушателей, главным образом народных учителей, оставивших для продолжения образования свои должности, лишив себя таким образом заработка.

Помимо министерства, правление Владивостокского учительского союза обратилось с воззванием к профессиональным и общественным организациям выступить в защиту дела народного образования и побудить правительство сохранить смету Владивостокского учительского института, преобразованного в Государственную дальневосточную академию им. К.Д. Ушинского, в неприкосновенном виде.

Стремясь удержать ситуацию под контролем, правительство ДВР 7 февраля 1921 г. издало приказ о выделении «милитаризованным» учителям пайков «ударной группы» I категории, членам их семей с 15-летнего возраста — пайков II категории, детям от 1 года до 15 лет — пайков сообразно возрастным категориям [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 6].

Приняв предложенные условия, МНП в том же месяце подготовило «Проект организации продовольствия учащихся и их семейств на местах», направленный на упорядочение обеспечения продуктами питания учителей и членов их семей. Рассчитывали также на то, что с введением в действие данного документа удастся избежать конфликтов между местным населением и учителями из-за снабжения последних. Полномочия по организации обеспечения учителей и членов их семей «ударными пайками» официально передавались сельским нарревкомам. Именно они проводили сбор продуктов в виде натурального налога в течение *всего* года и со *всего* населения и должны были распределять пайки между учителями и членами их семей в соответствии с установленными нормами *ежемесячно* и без задержек.

Членами семьи считались все родственники, находившиеся на иждивении учителя. Не имели прав на получение пайка члены семей учителей, занимавшихся сельским хозяйством, и трудоспособные члены семей, достигшие 18 лет.

Размеры пайкового довольствия показаны в табл. 1—2.

Несмотря на наличие нормативных актов, сельские жители отказывались доставлять продукты питания учителям и топливо для школ. Среди них утвердилось мнение, что обеспечением школ и учителей должны заниматься исключительно родители учеников. В городах школьных работников, которые как «милитаризованные» трудились сверхурочно, пайками отказывались снабжать местные продорганы. В немалой степени этому способствовала позиция Минпродснаба, руководство которого не считалось с февральским распоряжением правительства. Заместитель министра Шеин

Таблица 1

**Продовольственные нормы пайков,
утверждённые Президиумом Забайкальского
облнарревкома 5 марта 1921 г.**

Пайковые продукты	Пайковые нормы	
	I категории	II категории
Мука	1 пуд* 5 фунтов** (18,4 кг/месяц, 613 г/день)	30 фунтов (12 кг/месяц, 400 г/день)
Мясо	10 фунтов (4 кг/месяц, 133 г/день)	7,5 фунта (3 кг/месяц, 100 г/день)
Крупы разные	5 фунтов (2 кг/месяц, 67 г/день)	5 фунтов (2 кг/месяц, 67 г/день)
Спички	4 коробка	4 коробка
Соль	1,5 фунта (600 г/месяц, 20 г/день)	1 фунт (400 г/месяц, 13 г/день)
Мыло	1 фунт (400 г/месяц)	1 фунт (400 г/месяц)
Чай	0,25 фунта (100 г/месяц, 3 г/день)	0,25 фунта (100 г/месяц, 3 г/день)
Сало	1 фунт (400 г/месяц)	—
Картофель, корнеплоды	20 фунтов (8 кг/месяц, 300 г/день)	10 фунтов (4 кг/месяц, 150 г/день)
Табак	0,5 фунта (200 г/месяц, около 7 г/день)	—

Источник: [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 6 об.].

* Пуд = 16,38 кг.

** Фунт в России = 0,4 кг = 400 г.

открыто заявлял, что «в настоящий момент культурно-просветительское дело должно стоять на заднем плане» [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 56 об.], и отклонял ходатайства МНП об открытии финансирования.

Усугублённая позицией центрального ведомства, ситуация с материальным обеспечением «милитаризованных» работников системы образования продолжала деградировать по всей вертикали: от сельских школ до МНП. С ноября 1920 г. по март 1921 г. каждому сотруднику министерства, которому полагался паёк, выдали 1 пуд 30 фунтов муки, 6 фунтов мяса, 6 фунтов крупы и 1,5 фунта сала [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 57], т.е. в среднем около 7 кг продуктов на 1 человека в месяц (или около 230 г в день). Причём министерство плохо снабжали не только пайками. Судя по листам, подшитым в выявленных автором делах, в ведомственных

Таблица 2

Продовольственные нормы пайков для детей из семей учителей

Возрастные категории	Пайковые продукты	Пайковые нормы
Дети от 1 года до 3 лет	Молоко	1 пуд 5 фунтов (18,38 л/месяц, 0,6 л/день)
	Крупа манная	2 фунта 18 золотников* (877 г/месяц, 29 г/день)
	Сахар	1 фунт 24 золотника (503 г/месяц, около 17 г/день)
	Мука картофельная (крахмал)	1 фунт (400 г/месяц, 13 г/день)
	Хлеб	7,5 фунта (3 кг/месяц, 100 г/день)
Дети от 4 до 8 лет	Молоко	30 фунтов (12 л/месяц, 0,4 л/день)
	Крупа	5 фунтов 60 золотников (2,3 кг/месяц, 77 г/день)
	Сахар	1 фунт 84 золотника (761 г/месяц, 25 г/день)
	Мука картофельная (крахмал)	1 фунт (400 г/месяц, 13 г/день)
	Мука крупитчатая	3 фунта (1,2 кг/месяц, 40 г/день)
	Мясо	7 фунтов 58 золотников (3,1 кг/месяц, около 102 г/день)
	Корнеплоды	15 фунтов (6 кг/месяц, 200 г/день)
	Картофель	15 фунтов (6 кг/месяц, 200 г/день)
	Масло	1 фунт 84 золотника (761 г/месяц, 25 г/день)
	Яйца	30 шт./месяц (1 шт./день)
	Хлеб	30 фунтов (12 кг/месяц, 400 г/день)
Дети от 9 до 15 лет	Молоко	5 фунтов 50 золотников (2,2 л/месяц, 0,7 л/день)
	Крупы разные	7 фунтов 58 золотников (3,1 кг/месяц, около 102 г/день)
	Сахар	1 фунт 84 золотника (761 г/месяц, 25 г/день)
	Мука картофельная (крахмал)	1 фунт (400 г/месяц, 13 г/день)
	Мука крупитчатая	3 фунта (1,2 кг/месяц, 40 г/день)
	Мясо	10 фунтов (4 кг/месяц, 133 г/день)
	Корнеплоды	15 фунтов (6 кг/месяц, 200 г/день)
	Картофель	15 фунтов (6 кг/месяц, 200 г/день)
	Масло	2 фунта 40 золотников (971 г/месяц, 32—33 г/день)
	Яйца	30 шт./месяц (1 шт./день)
Хлеб	30 фунтов (12 кг/месяц, 400 г/день)	

Источник: [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 6 об.].

* Золотник = 4,266 г.

учреждениях МНП испытывали острый дефицит бумаги и писчих принадлежностей: часто писали простыми карандашами (характерно для информации с мест), на четвертинках или даже осьмушках листов, на оборотных страницах дореволюционных деловых бумаг. Само министерство находилось в старом, холодном, недостаточном по размерам здании; отделы искусств и профтехнического образования ютились в помещениях других ведомств, тогда как собственные и сравнительно хорошо обставленные здания учебных заведений отчуждали в пользу сторонних ведомств и организаций.

Милитаризация труда учителей означала существенное увеличение учебной нагрузки. Если до революции предельной нормой считались 30 часов в неделю, то в ДВР она составляла 60 и более часов [6, с. 54]. В министерство поступала информация о доведённых до крайней нищеты учителях, под разными предложениями покидающих свои рабочие места в поисках других источников жизнеобеспечения, невзирая на судебные преследования. На конец февраля 1921 г. в ДВР работали 2556 школ I и II ступени [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 80. Л. 18], из них на грани закрытия балансировали около 24%. В марте 1921 г. текучка кадров приняла такие масштабы, что под угрозой закрытия оказались ещё 600 школ [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 58].

Отток специалистов из системы образования отрицательно сказывался и на качественном составе кадрового потенциала вследствие ухода квалифицированных учителей с опытом преподавания. В апреле 1921 г. заведующий III высшим начальным училищем в Никольске-Уссурийском писал в МНП об «острой нужде в школьных работниках» в Приморье, где не хватало преподавателей-профессионалов и свободные вакансии замещали случайными людьми, «не окончившими курсы даже средних общеобразовательных учебных заведений» [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 31. Л. 15].

Отсутствие необходимых средств фактически парализовало работу и самого министерства, которое оказалось не в состоянии выполнять неотложные задачи (реформа Единой школы, борьба с неграмотностью и др.) и запустить в действие уже подготовленные учебные проекты и нормативные акты. В конце февраля 1921 г. правительство республики сделало попытку устранить накопившуюся задолженность по заработной плате работникам системы образования, но долги были погашены только за ноябрь — декабрь 1920 г. [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 43, 44]. При этом служащие Экспедиции заготовки государственных бумаг, Министерства здравоохранения и других ведомств продолжали получать денежные выплаты и пайки [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 57 об.].

Угроза коллапса системы и рост протестных настроений среди педагогической общественности заставили министерство занять более твёрдую позицию по защите интересов образования. 26 марта 1921 г. МНП созвало специальное совещание по вопросу о текущей деятельности и задачах на ближайшее время. Участники совещания констатировали безрадостное состояние дел народного образования вследствие невыполнения положений «Декларации о Народном Просвещении» (22 ноября 1920 г.). Для проведения указанных в ней мероприятий нужны были средства, которые, несмотря на многочисленные ходатайства, правительством так и не были отпущены [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 56]. Отмечалось, что заботы о народном образовании в республике стоят на последнем месте, а «Министерство народного просвещения и культурные работники являются пасынками существующей власти... на долю этого Министерства подают только жалкие крохи» [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 57 об.]. Бюджет образования в ДВР действительно был незначительным. В 1921 г. расходы на него составили 1,5% (по другим данным — 1,4%) в общей сумме расходов ДВР [1, с. 33; 6, с. 55].

При существующих условиях и отношении правительства к делу народного просвещения настроения педагогической общественности, ранее доверявшей новой власти, не могли не меняться. Участники совещания говорили о подорванной вере школьных работников в то, что все невзгоды временны и что при поддержке правительства они смогут изменить ситуацию в системе образования к лучшему: «Эта вера и давала нравственные силы пережить лишения. Теперь эта вера подорвана, нравственные силы слабеют, продуктивность работы падает. Чтобы не дать этой вере окончательно угаснуть, Правительство должно не только на бумаге, а на деле показать, что духовные запросы населения Республики должны быть отнесены на первое место, и культурные работники должны быть поставлены в такие условия, чтобы они могли проявить максимум энергии, которая так необходима в настоящий момент» [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 58]. В ультимативной форме участники совещания потребовали от правительства в самое ближайшее время принять «надлежащие конкретные», а не бумажные меры к отпуску необходимых для работы министерства средств и немедленному улучшению материального положения учителей. В противном случае школьные работники будут считать дальнейшую работу бесцельной, а её прекращение — целесообразным [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 58]. Подробная выписка из протокола совещания была разослана всем областным управлениям народного образования 28 марта 1921 г.

Данной акцией МНП удалось вывести проблему за пределы ведомственных стен и придать ей публичный характер, так как требования совещания 26 марта получили поддержку от профессиональных союзов. Об этом, в частности, свидетельствует телеграмма от председателя Амурского союза просветкультуры Каланчева, направленная в Совет министров ДВР и в Дальбюро ЦК РКП(б). Профсоюзный лидер обратил внимание вышестоящего руководства на то, что вследствие крайней нужды квалифицированные педагоги оставляют работу в школе, переходят на неквалифицированный физический труд или уезжают за границу. Профсоюз не мог остановить этот процесс даже репрессиями, так как жить распродажей вещей учителя и другие служащие уже не могли, а местное население по-прежнему отказывалось снабжать их продуктами питания и топливом. Каланчев обвинял Упрснабпрод, который саботировал выделение положенных лимитов одежды, обуви и продуктов питания. Амурский профсоюз, насчитывавший в своём составе свыше трёх тысяч человек, получил за всё время своего существования 70 полушубков, 65 пар обуви и 30 брюк [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 52]. Материальное положение педагогов было таким, что распоряжение об их милитаризации стало практически невыполнимым. Обращаясь в вышестоящие инстанции, Каланчев потребовал у руководства изложить свою точку зрения на сложившуюся ситуацию и дать указания, как действовать дальше.

13 апреля профсоюз работников просвещения города Петровский Завод постановил прекратить сверхурочные работы учителей, так как «милитаризованные» школьные работницы не получали «ударного пайка» и голодали [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 66, 67 об.], при этом городской нарревком не отдавал распоряжения местным продорганам об их снабжении. Отмечали, что такая ситуация в Забайкалье была повсеместной.

Заметим, что совещание было созвано после X съезда РКП(б), принявшего решение о переходе к новой экономической политике, и во время работы Учредительного собрания ДВР (23 марта — 27 апреля 1921 г.), принявшего Конституцию ДВР, содержание которой также отражало смену экономического курса республики, включая гарантированный законодательным путём обязательный для всех предприятий минимум реальной заработной платы (ст. 141) и гарантию бесплатного, за счёт государства, обучения для всех детей школьного возраста при социальном их обеспечении (ст. 176). Эти положения имели принципиальное значение для нормализации функционирования системы образования, так как гарантировали её специалистам реальную оплату труда и финансирование работы учебных заведений.

Конечно, рассчитывать на быстрое оздоровление ситуации не приходилось. Деятельность правительства ДВР прямо зависела от того, как складывалась военно-политическая обстановка в республике. В период с апреля по октябрь 1920 г. реализация полномочий государства в сфере образования осуществлялась на территории, реально контролируемой правительством, — в Верхнеудинске. Показателем слабой управляемости тогда являлась проблема формирования единого бюджета ДВР. Многие учреждения стремились удержать валютные поступления в собственных, а не в общегосударственных интересах [1, с. 23]. По инерции это продолжало сохраняться и по мере усиления управляемости территориями и государственными учреждениями, что позволяло отдельным ведомствам распоряжаться имуществом и бюджетом МНП без учёта жизненных интересов работников системы образования.

Вполне возможно, что в сложившейся ситуации имели значение политические симпатии и предпочтения. В Дальбюро ЦК РКП(б) с недоверием относились к беспартийным, а умеренные социалистические партии считали контрреволюционными [4, с. 392]. Первый министр народного просвещения М.П. Малышев и начальник финансового отдела МНП А.И. Ядонист были беспартийными. До революции Михаил Петрович Малышев работал учителем в Читинском городском 5-классном училище и не имел чина, Алексей Иванович Ядонист работал там же инспектором-учителем, имел чин коллежского секретаря и был членом Читинской городской думы, а сменивший Малышева К.С. Шрейбер (09.05.1921—03.01.1922) представлял в правительстве ДВР партию народных социалистов.

О том, что проблема снабжения учителей всё-таки стала объектом внимания в высших эшелонах власти, свидетельствует подготовленная для правительства ДВР выписка из доклада члена Народного собрания Цыпылова о его поездке с отчётом о работе Учредительного собрания в Могзонский район Прибайкальской области. Цыпылов информировал Совмин о том, что могзонское население не желает «кормить учителей», поэтому правительству нужно отдать соответствующие распоряжения местным органам власти [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 42. Л. 73]. Примечательно, что выписка была подготовлена секретарём Совмина П. Федорцом (в прошлом учителем в Приморье).

Первые положительные подвижки наметились уже в начале мая 1921 г., после распоряжения Минпродторга в адрес облуполпреда Западного Забайкалья об удовлетворении требований по снабжению учителей продовольственными пайками [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 70]. В конце мая министр просвещения до-

говорился с Министерством продовольствия и торговли об отпуске 40—50 ящиков стекла для ремонта школ; в июне было оказано содействие студенческой дружине из Института народного образования в Чите в заготовке 150 сажень дров и др. [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 32. Л. 103, 119]. С мёртвой точки сдвинулась и работа министерства по проведению необходимых учебных мероприятий. Старт реформы Единой школы в апреле и реализация двух проектов по изданию педагогической литературы и учебных программ для неё в мае и июле текущего года [РГИА ДВ. Ф. Р-1467. Оп. 1. Д. 31. Л. 17; Д. 42. Л. 103] свидетельствовали о положительных переменах в финансировании системы образования в ДВР и, следовательно, о перемене в отношении к нуждам системы образования в целом. Таким образом, солидарные протестные действия профсоюзов и Министерства народного просвещения всё же оказали своё влияние на правительство республики. В июле 1921 г. в ДВР отменили принудительную трудовую повинность, что в перспективе облегчало положение работников просвещения вследствие появившейся у них возможности свободно распоряжаться своим трудом и временем.

В заключение отметим, что на этапе военного коммунизма государство оказалось малоэффективным в вопросе взятых на себя обязательств по материальному обеспечению системы народного образования, включая учителей как основных операторов, осуществлявших её работу. Выявленные материалы со всей очевидностью показывают, что в рассматриваемый период финансирование системы образования в политике ДВР не являлось приоритетным направлением. Экономя на финансировании работы Министерства народного просвещения, государство сознательно жертвовало системой образования, включая и благосостояние учителей. Вследствие существенного ухудшения качества жизни, голодающие учителя, да ещё обременённые семьями, вынужденно искали иные источники жизнеобеспечения. В этих условиях требовать от них обязательного выполнения сверхурочных работ означало стимулировать и дальше протестные настроения и получить противоположный результат. Такая политика неизбежно вела к уменьшению кадрового потенциала системы народного образования и сокращению сети учебных заведений. При этом большой процент закрытых школ означал реальное сокращение рабочих мест для учителей, в том числе и для выпускников педагогических учебных заведений, предопределяя дефицит кадров квалифицированных специалистов в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. Г-н. Дальне-Восточная Республика (Статистический обзор) // Прибайкальский календарь на 1922 год. Верхнеудинск: Книгоиздательство Объединённого Прибайкальского Союза Кооперативов, 1922. С. 21—34.
2. Белоглазова С.Б. Политика Дальневосточной республики в сфере образования // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 2018. № 19. С. 111—123.
3. Белоглазова С.Б. Реформа единой школы в Дальневосточной республике // Россия и АТР. 2022. № 3. С. 104—117.
4. Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны / гл. ред. В.Л. Ларин; отв. ред. Б.И. Мухачёв. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1)
5. Культурное строительство на Дальнем Востоке (1917—1941 гг.): Документы и материалы. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1982. 495 с.
6. Пай С.С. Система народного просвещения на юге Дальнего Востока в 1917—1922 годах. Владивосток: Медицина ДВ, 2017. 152 с.
7. Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики (1920—1922 гг.). Владивосток. Изд-во ДВГУ, 1990. 352 с.
8. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. A. G-n. Dal'ne-Vostochnaya Respublika (Statisticheskiy obzor) [The Far Eastern Republic (Statistical Review)]. *Pribaykal'skiy kalendar' na 1922 god* [Baikal Calendar for 1922]. Verkhneudinsk, Knigoizdatel'stvo Ob'edinennoho Pribaykal'skogo Soyuza Kooperativov Publ., 1922, pp. 21—34. (In Russ.)
2. Beloglazova S.B. Politika Dal'nevostochnoy respubliki v sfere obrazovaniya [Policy of the Far Eastern Republic in the Field of Education]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'negho Vostoka DVO RAN*, 2018, no. 19, pp. 111—123. (In Russ.)
3. Beloglazova S.B. Reforma edinooy shkoly v Dal'nevostochnoy respublike [Reform of the Unified School in the Far Eastern Republic]. *Rossiya i ATR*, 2022, no. 3, pp. 104—117. (In Russ.)
4. *Dal'niy Vostok Rossii v period revolyutsiy 1917 goda i Grazhdanskooy voyny* [The Far East of Russia during the Revolutions of 1917 and the Civil War]. General ed. by V.L. Larin; executive ed. B.I. Mukhachev. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, 632 p. (Istoriya Dal'negho Vostoka. T. 3. Kn. 1 [The History of the Far East. Vol. 3. Book 1]). (In Russ.)
5. *Kul'turnoe stroitel'stvo na Dal'nem Vostoke (1917—1941 gg.): Dokumenty i materialy* [The Cultural Construction in the Far East (1917—1941): Documents and Materials]. Vladivostok, Dal'nevost. kn. izd-vo Publ., 1982, 495 p. (In Russ.)
6. Pay S.S. *Sistema narodnogo prosveshcheniya na yuge Dal'negho Vostoka v 1917—1922 godakh* [The System of Public Education in the South of the Far East in 1917—1922]. Vladivostok, Meditsina DV Publ., 2017, 152 p. (In Russ.)
7. Sonin V.V. *Stanovlenie Dal'nevostochnoy respubliki (1920—1922 gg.)* [Formation of the Far Eastern Republic (1920—1922)]. Vladivostok, Izd-vo DVGU Publ., 1990, 352 p. (In Russ.)